

Дэниел с трудом сдержал порыв ярости, поднимавшейся к вискам, — его владения языком явно не хватало, чтобы выразить всё сполна.

— Алек, тебя в детстве никто случайно не ронял?

— Что ты имеешь в виду?

— Ты настолько прирождённый ублюдок, что я подумал: кто-то должен был сильно удивиться. Врач или твоя мать.

— Мои слова настолько смешны, что у тебя есть время на такие жалкие шутки?

— А ты сам-то как считаешь, насколько смешна «Формула-1», если требуешь от пилота команды, которая плетётся в хвосте, обогнать дюжину соперников и привезти трофей? Моя профессия, где я рискую жизнью за рулём, — это шутка для тебя? Или автоспорт в целом? Ты думаешь, люди не занимают первое место просто потому, что не хотят?

Воздух в кабинете мгновенно опустился ниже нуля.

Как только спонсор принимает решение заменить пилота, изменить его практически невозможно.

Это было похоже на то, как ребёнок теряет интерес к кукле, которой наигрался. И даже хуже — в этом не было никакого контроля.

Однако даже у жестокого, непредсказуемого спонсора должен оставаться минимальный здравый смысл.

Они не станут выдвигать нереалистичное требование выиграть чемпионский трофей команде, которая едва держится на седьмом месте из десяти, прекрасно понимая, что это невозможно. Потому что это невозможно в принципе.

Достижение результатов в «Формуле-1» — всё равно, что восхождение на гору. В современном автоспорте нельзя перепрыгнуть промежуточные этапы и сразу покорить вершину. Чудеса случаются только в сказках.

— Если вы собираетесь требовать результаты, хотя бы сделайте вид, что готовы что-то вкладывать или проявить минимальный интерес, разве нет?

— Пять минут осталось, пилот Дэниел Линдберг. Я уже дважды закрыл глаза на твою неуважительную речь, но если ты перейдёшь черту ещё раз, я свяжусь с руководством и добьюсь освобождения твоего места уже в этом сезоне. Я оплачу штраф и отправлю этот руль, или как там его, морским фрахтом, а не экспресс-авиапочтой.

— Давай. Если я просто озвучу весь бред, который ты тут наговорил, это попадёт в новости уже сегодня днём, не дожидаясь завтрашней первой полосы. Я получу место в первом ряду, наблюдая, как падает цена ваших акций на фоне новостей о корпоративном слиянии.

— Ты на удивление наивен в вопросах реального мира. Ты вообще представляешь, сколько стоит реклама на первой полосе утренней газеты? Зачем им тратить место на проблему какой-то второсортной спортивной команды? Людей спорт интересует куда меньше, чем ты думаешь.

Алек Уокер произнёс это, откинувшись в кресле.

Его равнодушное лицо, на котором с момента входа в кабинет не появилось ни единой трещины, блестело гладко и холодно.

— Даже если выйдет несколько статей и поднимется шум, я просто откуплюсь деньгами — и на этом всё.

— ...

— Это место для тебя важнее, чем деньги. Если хочешь его сохранить — привези трофей к лету. Понял?

Человек, похожий на ядовитый гриб. Было ясно, что каждое его слово пропитано токсичными спорами. Дэниел теперь мог поверить, что грибы растут где-то на шестьдесят пятом этаже.

Прошло немало времени, прежде чем к Дэниелу вернулся голос.

— Ты делал такое же предложение пилоту Марселю Диасу?

— Его случай другой. Спонсор пилота Диаса в этом сезоне также отвечает за заправку команды Featherway и заводские операции. Стороны, участвующие в обсуждении дополнительного спонсорства от испанской ассоциации, включают также спонсора автодрома «Circuit de Catalunya». Всё это долгосрочные контракты. По сравнению с этим, спонсорство пилота Дэниела — разовое.

— Очень изящно ты называешь это тем, что я не умею привлекать деньги.

— Я не могу применять один и тот же стандарт к пилоту, который приносит команде нечто иное, нежели очки. В сравнении с этим вывод очевиден: у пилота Дэниела нет особых достоинств.

Если бы речь шла только о результатах, тогда Марсель, второй пилот, естественным образом оказался бы первым кандидатом на увольнение, но, похоже, «любимый проблемный ребёнок Испании» всё ещё имел более светлое будущее, чем он.

Ответ, не отклонившийся ни на йоту от его ожиданий, лишил Дэниела даже сил выдавить улыбку. Единственным оставшимся оружием стал жалкий протест.

— «Формула-1» — это спорт, где соревнуются очками. И ты говоришь, что у меня нет достоинств?

— Их нет. Разве не набирать очки — это не базовая обязанность пилота?

— ...

— Хорошо выполнять базовые обязанности — это не называется достоинством.

Это было неоспоримо. Кто станет хвалить пилота «Формулы-1», получившего суперлицензию, просто за то, что он умеет делать базовое?

От пилота всегда требуют результата выше базового уровня. Дэниел не был исключением.

Таймер на столе зазвенел в самый точный момент. Дэниел мог лишь наблюдать, как человек, казалось бы, неспособный пролить ни капли крови, даже если его ударить, нажал кнопку остановки.

Вот как это ощущается — когда земля под ногами постепенно рушится, а место, на котором стоишь, медленно исчезает.

Он всегда думал, что стоит на краю пропасти, но забыл, что падение ещё только впереди.

Неизбежное чувство беспомощности накрыло Дэниела сзади. Казалось, что его кровь, ставшая холодной, собирается и застывает комом прямо в сердце.

— Моё дело завершено. Если вам больше нечего сказать, вы можете уйти.

Дэниел пустым взглядом смотрел на этого проклятого человека, который дал ему ровно пятнадцать минут.

Он вообще это понимает?

Победа пилота команды среднего или нижнего уровня в чемпионате «Формулы-1» — это событие такого масштаба, что после него совершенно не удивительно получить предложение о переходе в топ-команду.

И именно поэтому больше всего результатов хотел добиться сам Дэниел. Потому что у него было обещание, которое он должен был сдержать.

Годы, которые он поклялся прожить в этой игре любой ценой ради этого обещания, выстроились в голове, как костяшки домино, ожидающие падения, скрывая картину, которая откроется, когда они рухнут.

В груди словно осел огненный шар. Холодная кровь начала вновь обретать температуру и в какой-то момент стала горячей, как кипящее масло.

Дэниелу захотелось врезаться в человека перед собой, но он был уверен: даже если бы он это сделал, это не выпустило бы всю эту ярость. Его впервые так унизили как спортсмена.

Он привык к реальности, где был первым пилотом, не сильно отличающимся от второго. Не злился, даже когда сталкивался с грубыми интервьюерами или фанатами. Просто сглаживал углы, размывал границы и двигался дальше.

Но его не воспитывали настолько слабым, чтобы его можно было вот так, без сопротивления, отодвинуть в сторону — да ещё и словами спонсора команды.

Доказательство собственной ценности.

Перед лицом неизбежного требования, существующего для любого спортсмена, красноватые глаза Дэниела вспыхнули слабым оранжевым отблеском.

— Очисти полку и жди. Я принесу тебе этот трофей, о котором ты твердишь, как о молитве.

— Я уважаю твой пыл, но чрезмерная серьёзность иногда выглядит нелепо.

— Я никогда не сдаюсь.

— ...

— Никогда.

Мужчина, будто сменивший маску, на мгновение дрогнул.

В его синих глазах промелькнула едва заметная искра любопытства.

Однако Алек Уокер быстро вернул себе прежнее высокомерное выражение и кончиком ручки указал на выход.

— Принеси трофей сначала. Мне больше нечего сказать пилоту Дэниелу до этого момента.

□

Дэниел Линдберг вышел из кабинета, не оглянувшись ни разу. Алек Уокер, отдавший приказ уйти, некоторое время смотрел на то место, где тот стоял, будто пригвождённый к полу, затем нахмурился.

Всё прошло так, как он и предсказывал. Главная заноза команды, которую ему навязали, сама отвалилась, даже не попытавшись спорить с требованием результатов, и встреча не затянулась.

Тогда почему ему было так паршиво?

«Его глаза были живыми».

Тот боевой огонь, что вспыхивал в них, был таким ясным, что его можно было принять за золото.

Он расплавился и дрогнул, как воск свечи, а затем перелился через край, и даже после ухода человека его следы остались на полу — затвердели, не желая исчезать. По его опыту, такие люди были самыми проблемными.

Алек считал любые виды спорта пустой тратой времени, но знал, что такое «Формула-1».

Командный спорт, в котором из десяти команд, создающих самые быстрые гоночные машины в мире, та, что набирает больше всего очков, получает Кубок конструкторов, а самый быстрый пилот — титул чемпиона мира.

Фестиваль для безумцев, которые проходят через всевозможные испытания, тратят колоссальные бюджеты и без колебаний втягиваются в политику и судебные разбирательства ради чего-то столь незначительного.

Дэниел Линдберг был тем, от кого он решил избавиться в первую очередь, чтобы провести этот «фестиваль». Он казался пылью, которую можно легко стряхнуть.

И всё же среди растоптанных остатков всё ещё теплился неугасший уголёк.

«Я думал, что почти полностью его подавил».

Упрямство, которое он показал в конце, — это просто упрямство? Или бравада человека, которому нечего терять?

В любом случае это было нежелательно.

Для Алека Уокера время было важнее всего на свете.

Понятие «потерянное время» он первым делом вычеркнул из своего словаря, а упущенная выгода была главным критерием оценки стоимости.

Не тратить больше пятнадцати минут на встречу с заранее известным исходом. Не тратить больше часа в день на одного человека. Использовать каждую минуту максимально эффективно. Это правило стало почти навязчивой привычкой.

И именно поэтому Алек, случайно услышав в лифте, как Дэниел Линдберг, сжимая телефон, сказал: «Спонсор не понимает, насколько драгоценно время», — был ошарашен.

Человек, который вкладывает всё своё время в бессмысленное самоудовлетворение вроде спорта и который спокойно пропускает тренировки, чтобы беззаботно следовать за этим, — кому он вообще это говорит?

<http://bllate.org/book/17841/1706042>